

сеем, принудив отца подписать договор, заключенный ими с последним; затем следует рассказ о неистовствах, произведенных латинами в Византии, о грабежах их и новом пожаре; к этому добавилось несогласие отца с сыном; их произвол и насилия вызвали народное восстание патриотов, во главе которого стал Дука Алексей по прозвищу Мурзуфл (то есть: сросщенные брови).

4. Было уже 25 января, VII индикта 6712 г. (1204 г.). В главном храме собралось множество народа; сепаг, собор святителей и высшего духовенства явились туда же и были вынуждены совещаться об избрании нового императора. Когда от нас требовали высказать свое мнение, мы не хотели согласиться на то, чтобы по свержении императоров можно было избрать другого, имея уверенность, что кто бы ни был избран, он не будет лучше сверженных, как потому, что латинские вожди станут всеми силами защищать Алексея, так и по другим причинам. Но чернь, неблагоразумная, изменчивая и прислушивающаяся к голосу одной страсти, не соглашалась долее переносить господство Ангелов и не хотела разойтись без того, чтобы не был избран новый император. Зная по опыту необузданность толпы, помышляя о своей судьбе и проливая слезы, мы не сопротивлялись более и легко предугадывали будущее. Между тем мятежники начали сами прискипать императора и назначали то одного, то другого из знатнейших фамилий; но, не остановившись ни на ком, они с оружием в руках приступили к городскому начальству и к людям нашего сапа и, хватая их за руки, принуждали принять корону. О горе, горе! Что могло быть хуже и ужаснее подобного несчастья? Что могло быть безумнее и смешнее сумасбродств такого собрания? В оправдание выбора приводилось следующее рассуждение: «У тебя есть во что обличиться: так будь нашим главой!»

В пятой и последней главе седьмого отдела автор рассказывает, каким образом избрали наконец в императоры ничтожного характера юношу Николая Канаба; как император Алексей решился впустить в город латинские войска, но Мурзуфл захватил Алексея и в темнице задушил, а Николая посадил под стражу и сам себя провозгласил императором.

В первых двух главах и в начале третьей восьмого отдела, посвященного двухмесячному правлению Мурзуфла, автор излагает, какие меры были приняты новым императором к защите города, как он напрасно пытался вступить в переговоры с латинами, и как латины после отчаянного приступа успели овладеть частью укреплений; вследствие того Мурзуфл бежал из города; Феодор Дука и Феодор Ласкарис вступили было в спор за обладание «сокрушившимся кораблем», и Ласкарис был предпочтен, но, видя равнодушие народа к защите города, и он бежал. После того Византия осталась совершенно беспомощной.

3. После того (то есть как бежал Феодор Ласкарис) неприятель сверх всякого ожидания увидел, что никто не выступает против него с оружием в руках и никто не сопротивляется; напротив, все остается открытым настежь, переулки и перекрестки не защищены, нигде ни малейшей опасности и полная свобода неприятелю. Жители города, передавая себя в руки судьбы, вышли навстречу латинам с крестами и святыми изображениями Христа, как то делается в торжественных и праздничных случаях; но и это зрелище не смягчило души латин, не умилило их и не укротило их мрачного и яростного духа: они не пощадили не только частное имущество, но, обнажив мечи, ограбили святыни Господни, и звуком труб возбуждали коней к нападению. Не знаю, с чего начать и чем закончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди! О ужас! Святые образа бесстыдно потоптаны! О горе! Мощи святых мучеников брошены в места всякой мерзости! Но, что страшно промолвить и что можно было видеть глазами: божественное тело и кровь Христовы были разлиты и разбросаны по земле. Некоторые из них разбивали драгоценные чаши; их украшения прятали за пазуху, а из них пили, как из бокалов. О, предгечи Аптихриста и предвестники его печальных дел, в ожидании которых мы находимся! В те дни, как в древности, Христос был снова раздет и осмеян, и о ризах его метал жребий; недоставало только того, чтобы они пронзили его бок копьём и пролили потоки святой крови. О разграблении главного храма пельзя и слушать равнодушно. Святые наои, затканые драгоценностями